

Панельная дискуссия РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

17 мая 2018 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова СПбГУП

Выступающие:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, член-корреспондент РАН, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (<i>модератор</i>)
А. А. АКАЕВ	Президент Кыргызской Республики (1990–2005), иностранный член РАН, доктор технических наук, профессор
А. А. ГУСЕЙНОВ	научный руководитель Института философии РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
А. М. КРАМАРЕНКО	директор по развитию Российского совета по международным делам, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
А. Д. НЕКИПЕЛОВ	директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
Р. И. НИГМАТУЛИН	научный руководитель Института океанологии им. П. П. Ширшова РАН, член Президиума РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор
Г. М. РЕЗНИК	вице-президент Федеральной палаты адвокатов, кандидат юридических наук, заслуженный юрист РФ, Почетный доктор СПбГУП
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
М. В. ШМАКОВ	председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеобщей конфедерации профсоюзов, председатель Совета попечителей СПбГУП, почетный профессор СПбГУП

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, прошу сосредоточить внимание на предложенной к обсуждению теме дискуссии «Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы». Считаю, что все беды в России оттого, что мы копируем западные образцы, а там уже не осталось ничего, что стоило бы заимствовать. Генри Маркович, что Вы скажете по этому поводу?

Г. М. РЕЗНИК: — Вообще ни одной стране не рекомендуется бездумно копировать чужой опыт. Александр Сергеевич, ответ на Ваш вопрос дает российская Конституция, которая была принята в 1993 году. Эта Конституция — величайшее завоевание нашей страны. В тот период мы еще не вышли из состояния турбулентности (в 1993 г. произошли известные события, которые закончились обстрелом Белого дома). Но в результате родился документ, который полностью соотносится с международными актами, принятыми до него: международными пактами о гражданско-политических правах, Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод и др.

Против нормы, согласно которой общепризнанные принципы международного права являются составной частью российской правовой системы, почему-то выступают наши ретрограды и политики, которые считают, что ее нужно удалить из Конституции.

Если обнаруживается противоречие между международным договором и внутренним законодательством, то применяется правило международного договора. Эти люди — неприятели свободы, права — хотят ввергнуть страну в хаос, который мы пережили. Тогда многие даже не осознали этого потому, что в тоталитарной стране, где не было выбора и прекрасно работала пропаганда, люди не представляли себе, что можно жить иначе.

По этой причине, Александр Сергеевич, можно обвинить нашу Конституцию в копировании и некритическом заимствовании тех правовых норм, которые были выстраданы человечеством. Все эти нормы — реакция стран, победивших гитлеровскую коалицию, на тот ужас, ситуацию, которая высветила, насколько эффективными в тоталитарных государствах могут быть такие методы управления, как насилие и ложь.

Я рад, что сейчас трендами развития в нашей стране являются права и свобода человека, разделение властей, которые не могут быть подвергнуты сомнению. А то, что обнаруживаются разные интересы и некоторые страны, в том числе США, ведут себя бесцеремонно на международной арене, — это другой вопрос. Давайте не будем путать расхождение интересов, которое бывает временным, с ценностными нормами и оценками. Здесь я всецело на стороне Конституции РФ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По поводу Конституции — согласен, Генри Маркович. Но почему слепое копирование западных традиций и явлений, например введение Болонской системы, «Сколково», регулирование Интернета по западному образцу (этот перечень можно продолжить), приводит к неприятностям? Аскар Акаевич, высказитесь, пожалуйста.

А. А. АКАЕВ: — Россия всегда, по крайней мере последние столетия, играла ведущую роль в формировании миропорядка. Ялтинский мир, свидетелями разрушения которого мы сегодня являемся, был инициирован Советским Союзом. СССР сыграл тогда ключевую роль. Сегодня мы можем констатировать, что Ялтинский мир разрушен.

Александр Сергеевич точно охарактеризовал ситуацию в мире: хаос и турбулентность. Необходим новый миропорядок, который возможен благодаря утверждению гуманистической ноосферно-интегральной цивилизации, основу которой сформулировали трое великих русских ученых XX века: Вернадский, Сорокин и Моисеев. На этот вызов лучший ответ может дать именно Россия.

В 2020 году будет отмечаться 75-летие Ялтинской конференции. Россия могла бы инициировать созыв новой конференции. А. А. Громыко напомнил о «концерте великих держав», наций, но, по моему мнению, это осталось в прошлом, в XIX–XX веках. Сегодня на авансцену выходят новые силы — восходящие цивилизации: китайская, индийская, ирано-персидская, евразийская и др. Россия могла бы созвать саммит цивилизаций, который могли бы представить 22–24 страны, составляющие 12 локальных цивилизаций, и таким образом запустить процесс формирования нового миропорядка, способного обеспечить процветание человеческой цивилизации в XXI и последующих веках. Это серьезный вызов для России, на который она может дать достойный ответ.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, что Вы думаете по этому поводу?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Всех, кто выступал сегодня, я разделю бы на оптимистов и пессимистов. Нетрудно заметить, что среди выступавших на этой сцене пессимистов гораздо больше. Я отношу себя к пессимистам, то есть к реалистам, и с этой позиции озвучу несколько тезисов (более подробно с десятью тезисами можно ознакомиться в моем докладе). Первое: *Si vis pacem, para bellum*, то есть «хочешь мира — готовься к войне», или идти на компромисс? Мой ответ: лучше готовиться к войне, потому что на компромисс никто не пойдет. Такова реальная практика последних тысячелетий.

Второе: страх и подозрение многое определяют в современной политике. Как и почему это происходит — отдельный вопрос. В прошлом году Петр Дуткевич сделал доклад на эту тему.

Третье: здесь выступило много выдающихся ученых, которые размышляют о мире и общем благе. У меня вопрос: почему в мире до сих пор не наступило благоденствие? Значит, где-то в другом месте не ме-

нее умные, но недобрые ученые дают советы тем, кто правит миром. Может, следует с ними поговорить лицом к лицу, а не уговаривать друг друга, что мы-то все делаем хорошо, но решение принимают они?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, то есть вызовы — это ученые, а перспективы — мрачные?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Нет, злые ученые дают умные недобрые советы, а решения принимают политики. И похоже, к нашим советам они не очень прислушиваются.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Михаилу Викторовичу Шмакову.

М. В. ШМАКОВ: — Россия в глобальном мире — интересная тема, но сначала надо понять, что в настоящее время представляет собой глобальный мир. Сегодня глобальный мир перешел к управляемому хаосу.

Россия длительное время стремилась войти в глобальный мир, например во Всемирную торговую организацию наша страна пыталась вступить на протяжении 17 лет, а когда это произошло, ВТО развалилась. Нужно отдавать себе отчет в том, что это следствие процессов, происходящих сегодня в мире, в котором мы живем. Вопрос заключается в том, можно ли управлять хаосом или нет. С моей точки зрения, необходимо попытаться это сделать. Это под силу наиболее технологичным странам, которые имеют соответствующие суперкомпьютеры для моделирования ядерных процессов (без проведения реальных испытаний). Это достаточно сложно. Также в эту программу можно ввести параметры хаотического мира, что позволит управлять им. Кто сможет это сделать, тот станет лидером в цифровом капитализме.

Цифровой капитализм — новый термин. Действительно, капитализм будет развиваться в цифровом виде. Так, в России принято соответствующее решение о цифровизации экономики и нашей жизни. Но необходимо учитывать: цифровой капитализм, с одной стороны, и цифровая экономика — с другой, способствуют нарастанию цифрового рабства. В данном случае возникают этические и юридические проблемы, о которых говорил Генри Маркович Резник: необходимо соотносить закон о правах человека, в том числе нашу Конституцию, с практикой, существующей сейчас в цифровом мире (можно отметить сложности в обеспечении прав в этой области).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Александр Дмитриевич, Вам слово.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Существует необыкновенно сложная нерешенная проблема социального выбора, которая рассматривается в экономической и политической науках. Как понять, каким образом люди, составляющие группу (включая государство и надгосударственные группы), принимают решения? Все зависит от базовых институтов. Институты — это правила, не-

кие ограничения, в рамках которых члены группы решают вопросы, согласовывают интересы. Возникает замкнутый круг, потому что для того, чтобы принимать решения, нужно принять решение о том, каким образом это делать. Но этот замкнутый круг — не противоречие теории, а реальная ситуация. Она имеет серьезные последствия, которые заключаются в том, что в определенный период времени действующие институты всех удовлетворяют и работают. Наступает момент, когда происходит изменение конфигурации интересов и оказывается, что институты уже не удовлетворяют игроков. Возникает сложный момент, связанный с перестройкой институтов. В такие периоды государства либо распадаются, либо объединяются. Возникают те проблемы, с которыми мы сегодня сталкиваемся.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Александру Михайловичу Крамаренко.

А. М. КРАМАРЕНКО: — Согласен с тезисом, что у России не может быть постоянного места в нестабильном глобальном мире, потому что все в мире находится в состоянии перехода к чему-то новому. То есть проблема носит глобальный характер. Поэтому в качестве ориентира надо брать культуру, которая лежит в основе всего происходящего с отдельными странами и человеческой цивилизацией в целом. Вот почему вижу глубокий смысл в проведении Лихачевских научных чтений, где культура находится в центре внимания.

Можно согласиться с Л. Толстым, который сказал, что все величайшие истины просты. Наверное, есть две истины, в которых сформулированы главные вызовы общественным наукам. Первая — библейская: «Не ведают, что творят». Вторая принадлежит Ларошфуко и указывает на то, что всегда есть зазор между тем, как человек оценивает свое состояние, и реальным положением дел: оно либо хуже, либо лучше, чем ему кажется/представляется.

Без разговора о глобализации не обойтись. Видимо, необходима стабилизация той глобализации, которая была исключительно рыночной, то есть неуправляемой. В результате прежде всего пострадало западное общество. Виталий Товиевич прав в том, что нам в России надо исходить из того, что переход к управляемой глобализации неизбежен.

Культура определяет и то, как политические элиты и население в целом реагируют на отсутствие порядка, атмосферу неопределенности и непредсказуемости. Одни более терпимы к беспорядку, другие — менее, и тогда там проблема контроля выходит на первое место. Видимо, соблюдение порядка требует смирения, которое по-разному присутствует в различных культурах. Эта истина тоже сохраняет свою актуальность.

Когда речь идет о глобальном порядке, можно выделить две его разновидности, которые нередко путают между собой: нормативный мировой порядок (представленный ООН и международным правом, сложившимся в послевоенный период) и геополитический, который действительно разрушается, в частности, терпит крах глобальная империя США, причем как бы по собственной инициативе (брексит, избрание Трампа с его

лозунгом «Америка прежде всего» и пр.). Другими словами, США сами «закрывают» свой имперский проект, который сейчас выдается на Западе за «либеральный миропорядок». Всем странам придется иметь дело с США уже вне глобальной империи в форме так называемой двусторонней «транзакционной дипломатии». Полагаю, что такое саморазрушение Америки соответствует известному универсальному закону: все системы, достигнув определенного состояния зрелости/пика, если не трансформируются рационально и своевременно, то саморазрушаются. Так произошло и с Советским Союзом.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Роберту Искандеровичу Нигматулину.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Хочу начать свое выступление с вопроса: почему в результате перестройки мы перешли (может быть, не полностью и некачественно) на европейские нормы демократии, приняли Конституцию? Мы проводим выборы депутатов и президента (результаты последних выборов президента ни у кого не вызывают сомнений: народ действительно проголосовал за В. В. Путина), перешли к рыночной экономике, вроде становимся все ближе к европейским нормам, а к нам все хуже относятся. Если во времена Хрущева мы угрожали мировой революцией («мы вас похороним»), то сейчас не звучит никаких угроз. Что такое присоединение Крыма по сравнению с тем, что было раньше? Представьте себе, что Крым принадлежал бы России, и Украина, воспользовавшись ситуацией, сделала бы то же самое, что и Россия. Никто бы не возражал, потому что Россия стала слабой. Не в военном отношении, мы стали слабыми экономически и технологически, мы ничего не можем производить: ни самолетов, ни автомобилей, у нас распространены отверточные технологии из поставляемых деталей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — А почему мы стали слабыми?

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Потому что неправильно ведем экономическую политику. Недопустимо, чтобы экономика провоцировала такое сильное расслоение общества: по моим оценкам, 0,5–1 % богатейших людей нашей страны присваивают 10 трлн рублей, а весь федеральный бюджет составляет 15 трлн. Это значит, что они диссипируют национальные ресурсы. Уже десять лет в стране под руководством нашего президента и правительства нет экономического роста, мы утратили технологии. Конечно, в экономике ничего нельзя делать быстро, так постепенно начинал и Рузвельт.

Для того чтобы начался реальный экономический подъем, нужно перераспределить 3–5 % ВВП. Основной инвестор экономики — это народ, получающий сбалансированную зарплату. Россиянам, где 93 % населения получают зарплату меньше 70 тыс. рублей и почти 60 % — менее 20 тыс., никакой экономический рост не нужен, потому что люди не могут ничего купить. Мы гордимся производством зерна, но зерно возвра-

вается на почве, а землю не удобряют, чтобы компенсировать нехватку необходимых элементов, и происходит деградация почв.

Пока наша экономическая политика будет ориентироваться на нынешний курс, который проводят правительство и президент страны, пока они не осознают кардинальных проблем, ничего у нас не получится.

Когда в 1992 году произошел обвал доходов населения, смертность подскочила до 16,7, хотя до этого она находилась на том же уровне, что и в Европе. В период до 2015 года за повышенную смертность Россия заплатила 15 млн жизней, а за весь период существования Советского Союза — около 30 млн. Пока мы не преодолеем этот экономический строй, нам будут угрожать санкциями (а санкции — это тяжкий груз).

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Роберт Искандерович, даже спорить не хочется. Но возникает вопрос: если бы Вы получали 10 трлн рублей, кто-нибудь смог бы убедить Вас, что это нехорошо и Вы должны от них отказаться?

Р. И. НИГМАТУЛИН: — В этом и заключается государственный порядок, что политику должны определять не 0,5 % населения, а реальный народ. Чтобы народ это понял, нужно, чтобы прежде это осознали академики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Академик Нигматулин все подсчитал и сообщил нам о результатах. Теперь понятно, почему разогнали Академию наук, которая подчитывает и озвучивает результаты.

Г. М. РЕЗНИК: — Академик Нигматулин высказался от своего имени и ценно именно то, что он говорит не от имени Академии наук.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Александр Сергеевич, у нас многих надо разогнать, но начинать нужно не с Академии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Генри Маркович, издано огромное количество книг, где подробно (на основании расчетов, с приведением конкретных цифр) описывается то, о чем говорил сегодня академик Нигматулин (высокая смертность, женский алкоголизм, трагедии в семьях и пр.). Я сам принимал участие в написании таких книг. Абдусалам Абдулкеримович, Вам слово.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Прежде чем сказать несколько слов о будущем, имея в виду, конечно, будущее нашей страны и мира, хочу коснуться вопроса о самом способе, о методологии наших рассуждений об этом предмете. Мы говорим о будущем, как будто речь идет о некоем фактическом состоянии, которое находится впереди, и мы хотим как бы заглянуть в это будущее состояние, увидеть, что там, разглядеть в нем место России. На самом деле будущее не есть нечто предзаданное, это не цель, которая находится впереди и до которой надо добежать, и весь вопрос только о том, кто

кого обгонит на этой дистанции. Нет, не так. Будущее проблематично. Оно находится под вопросом. Оно существует в модусе возможности. Говоря так, я имею в виду будущее не в аспекте физического времени, а социальное, историческое будущее. Мир существует во времени, протяженном из прошлого через настоящее к будущему, и в физическом аспекте будущее гарантировано, то есть начиная с того времени, когда мы рассуждаем и которое фиксируем как настоящее, обязательно что-то произойдет и это что-то мы можем с разной степенью точности познать, хотя и в этом случае более уместным будет слово «предугадать». Однако в социальном, историческом смысле будущее отнюдь не гарантировано. Оно не гарантировано и тогда, когда речь идет о человечестве в целом, тем более не гарантировано, когда речь идет об отдельных народах, государствах, социумах. Сколько рухнуло великих империй! Сколько великих народов кануло в Лету или сместилось на задворки истории! Мы сами пережили крах социализма, Советского Союза и для подавляющего большинства населения, в том числе для ученого сословия, для 99 из 100 всей думающей массы это стало, как говорится, громом среди ясного неба. Давайте всерьез задумаемся над этим фундаментальным фактом и поймем, что наше отношение к будущему более серьезно и ответственно, чтобы его можно было рассматривать как сугубо или даже по преимуществу эпистемологическую, прогностическую проблему.

Будущее открыто, оно таково, будет таковым, каким мы его сделаем. Будущее — это свободное пространство, резервуар для исторического творчества. И вопрос о будущем — это вопрос о том, что мы делаем, не о целях истории, а о целях нашей деятельности. Это, если хотите, вопрос о нашем отношении к настоящему, о том, насколько мы им довольны или недовольны, о мере нашей критичности, нашего радикализма при оценке настоящего. В этом смысле вопрос о будущем — это вопрос о духовном состоянии страны, народа, их ценностных приоритетах и амбициях, их понимании самого смысла человеческого существования. Можно даже сформулировать такой парадокс: чтобы проникнуть в будущее, надо глубже заглянуть в самих себя.

С этой точки зрения следовало бы рассматривать не только и не столько отдельные теоретические предсказания или зарисовки будущего, часто весьма разумные и обоснованные (многие из них мы сегодня услышали), а реальное состояние общественного российского сознания и посмотреть, какие образы будущего в нем присутствуют. На мой взгляд, в нем можно выделить три образа будущего, не надуманных, не сконструированных, а вполне реальных образа, за которыми стоят мощные потоки человеческой энергии, большие массы людей.

Первый — это довольство настоящим. Речь идет о принципиальном довольстве. Конечно, считается, что необходимо что-то улучшать (в большей или меньшей степени), например, чтобы в стране не было столько бедных, чтобы умерить коррупцию и т. п. Этот вариант реализует правительство. Его поддерживает большинство населения. В общем, при всех включающих

в себя или допускаемых критических идеях, настроениях и действиях, речь в этом случае идет о будущем как пролонгации настоящего.

Два других варианта, тоже реально работающих, массовых, действенных, имеющих силу исторического мотива, — будущее, понятое как прошлое: в одном случае как советское прошлое, в другом — как прошлое царской империи, в третьем — вообще как допетровская Русь.

Наша проблема заключается в том, что в обществе нет реальной устремленности в будущее, понятого как качественное обновление форм жизни. То есть мы потеряли вкус к историческому бытию, интерес к тому, чтобы наше существование было историческим. Это более глубокая проблема, чем отдельные решения, касающиеся тех или иных аспектов экономики, культуры и т. д. Мы как будто и не верим, и не хотим такого будущего, где не будет насилия, социальной несправедливости. Мы даже буржуазно-демократические лозунги свободы равенства и братства не принимаем всерьез. Словом, надо признать: у нас с будущим проблемы.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — По моему мнению, люди, которые сегодня выступают со сцены, наделены сверхспособностями. Сложно с кем-либо из них спорить. Генри Маркович абсолютно прав в том, что у нас замечательная Конституция, Роберт Искандерович — в анализе экономической системы, Михаил Викторович прав во всем. При этом мне известно, что в стране существуют огромные проблемы. Указы президента, например майские, будут выполнены так же, как были выполнены предыдущие. В частности, было велено повысить зарплату преподавателям вузов. Подняли зарплату, а заодно и нагрузку в два раза. Сейчас пенсионерам пообещали увеличить пенсии. Если пенсионный возраст повысят до 80 лет, то пенсии можно поднимать раз в десять. Вот так работает наша экономика.

Считаю, что российская экономика намного хуже западной, потому что мы копируем то, что уже прогнило. А когда начинаешь бездумно копировать, как правильно сказал Генри Маркович, получается намного хуже: у нас гораздо хуже капиталисты, пресса, чиновники и т. д. Генри Маркович, что Вы об этом думаете?

Г. М. РЕЗНИК: — Чем дольше живешь, тем становишься более осторожным, потому что понимаешь: количество вопросов увеличивается, а ответов на них становится все меньше. Не устаю поражаться мудрости древних, которые считали меру самой важной философской категорией. Вообще политика, тем более экономическая, — ответственное дело. Стоит только где-то пережать, сменить приоритеты — и жизнь начинает мстить. Мы хотим жить как в Америке или в Западной Европе?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Нет.

Г. М. РЕЗНИК: — Виталий Товиевич не хочет, потому что он уже так живет. По моим представлениям, такой страны, как Россия, быть не должно, она давно должна была исчезнуть. Ни на одну страну так силь-

но не воздействовали такие факторы, как колоссальная территория, суровый климат, власть, постоянные внешние угрозы. Сейчас угнетает политика, проводимая последние семь лет как на международной арене, так и внутри России, — она стала плоской.

Считаю, что все действительно — разумно, все разумное — действительно и проявляется через необходимость. Давайте представим 1990-е годы (хотя они были закономерными, но все же были связаны с колоссальными издержками). Первые шаги, которые сделал В. Путин, были абсолютно правильными. Тогда, в период «парада суверенитетов», 18 регионов объявили о приоритете своих конституций над Конституцией РФ. Горбачев в свое время сказал: «Без крови мы не разойдемся». Слава богу, что обошлось без большого кровопролития. Но ситуация не изменилась: сохранилась колоссальная территория, постоянно возникают национальные проблемы, вдруг начинает разыгрываться национальная карта. Россия — сложная страна. Но что нам делать в экономике, я не знаю, потому что не являюсь специалистом в этой области.

Понятно, что нужно преодолевать патернализм. То, что все кормилось с руки единственного собственника — государства, сформировало психологию гражданина, который фактически лишен возможности проявить свою инициативу. В итоге в 1990 году государство вообще ушло из экономики, затем попыталось восстановить там в необходимых пропорциях свое присутствие. Затем присутствие государства в экономике стало возрастать. Сейчас в Америке только 17 % рабочих мест создаются государством, в России — 70 %. Какой бюджет выдержит такую нагрузку?

Политика, которая проводится в жизнь, должна быть профессиональной. Сейчас происходит то же, что и ранее: люди подвержены эмоциям, отсюда запрос на величие страны, живут иллюзиями, падки на обещания, поддерживают таких популистов-демагогов, как Жириновский. И вот с такими людьми нужно строить сильное правовое государство в рамках демократии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Михаил Викторович, пожалуйста.

М. В. ШМАКОВ: — В нашей стране сейчас большинство рабочих мест создаются за государственный счет. Ни малый, ни средний бизнес в сложившихся условиях экономики не может развиваться, потому что нет кредитов, платежеспособного спроса населения. И если мы это не преодолеем, то у нас не будет прогресса. В настоящее время наиболее успешные предприятия — те, которые финансируются за счет государственных заказов и госбюджета. Это один из путей развития экономики. Безусловно, ситуацию нужно менять. В этом нам помогут правовое государство и соблюдение законов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется Александру Дмитриевичу Некипелову.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, мы сегодня много говорили о глобализации. Но если быть

объективными, то не было большего глобалиста, чем Карл Маркс. Он говорил о том, что в мире столько же наций, сколько и людей. Идея мировой революции вполне соответствует глобальному видению мира. Кстати, глобалистом был и Владимир Ильич Ленин, который в отдаленном будущем предвидел глобальное общество, правда, принципиально иное, а именно кооператив народов.

Сейчас мы являемся свидетелями того, что не существует однолинейного процесса. Связано это с тем, что рыночная экономика является мощным интегратором. Но рынок выявляет только часть индивидуальных предпочтений людей, а именно эгоистическую часть. Рынок — не инструмент для раскрытия альтруистических настроений людей. Если бы все были согласны с тем, что все нужно отдать на откуп рынку, не возникло бы проблем с созданием единой мировой экономики и с управлением единой денежной системой. Это технические легко решаемые вопросы. Проблема заключается в том, что те, кто еще недавно рассуждал о том, что является двигателем рыночной глобализации, вдруг обнаружили, что после кризиса 2007–2009 годов она обернулась против них.

На мой взгляд, ошибочно просто обращать внимание на некие человеческие особенности Трампа. В конце концов за него проголосовало полстраны, и многое из того, что он говорил, сейчас реализуется в экономике и воспринимается с большим энтузиазмом.

Я, как экономист, в течение всего периода реформ нахожусь в оппозиции к экономической политике, которая проводится в нашей стране. Возникает вопрос: почему у проводимого курса так много оппонентов? Фактически что бы ни происходило, у власти все время, весь период реформ, остаются люди, представляющие одно течение мысли. И здесь мы возвращаемся к вопросу о качестве нашей Конституции (причем не столько к тому, при каких условиях она была принята и была ли принята вообще — на этот счет есть разные мнения). Дело в том, что у нас нет механизма естественной смены команд, выражающих разные взгляды на политику, которую нужно проводить. Это, с моей точки зрения, является одним из серьезных пороков, с которыми мы сталкиваемся и которые, к сожалению, нам пока не удастся преодолеть.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Роберт Искандерович, пожалуйста.

Р. И. НИГМАТУЛИН: — Александр Сергеевич, хочу ответить на вопрос, который вы затронули, — о социализме и капитализме. Для меня как человека технократичного, математика, важны цифры. Что такое социалистическое государство? Приведу один из показателей: затраты на развитие человека (образование, здравоохранение, наука, культура) в Европе составляют 25 %, в России — 9 %, поэтому там гораздо больше справедливости и социализма, чем у нас. Другое дело, что я не хочу жить, следуя новым европейским тенденциям (там разрешен брак между двумя мужчинами и т. д.). Россия должна выдержать этот натиск, это одна из ее главных функций.

В мире все творится с позиции силы. У нас нет этой силы, поэтому мы страдаем. Вообще экономика быстрее развивается там, где существует экономическая справедливость. Справедливости в нашей стране нет, и за это мы будем платить, пока не поймем.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Виталий Товиевич, прощу, Вам слово.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Теперь обращаюсь к тем, кто многократно сегодня повторял, что культура спасет мир. Не уповайте на культуру, она, в частности многие художники, тоже поклоняется оружию.

Здесь уже говорили о том, что иерархии всегда были и будут. Внутри них происходит борьба, вследствие чего возникают конфликты внутри стран. Троны борются друг с другом, отсюда внешние конфликты. Национальная иерархия (только она должна быть действительно национальной) либо побеждает, либо проигрывает, а вместе с ней и весь народ.

Можно ли предсказать будущее и спланировать его? Мы можем это проверить. В 1985 году Горбачев пришел к власти и пообещал, что все будет хорошо: мы возьмем все лучшее от социализма и капитализма. Через шесть лет он потерял власть, а страна распалась...

Основываясь на недавнем прошлом, можно констатировать, что планы не обязательно сбываются. Но с будущим можно что-то сделать. Первый вариант: если бы Горбачев не пришел к власти, то, возможно, Советский Союз существовал бы до сих пор.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Если бы к власти пришел Григорий Романов, то СССР существовал бы и развивался не менее успешно, чем Китай.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Не знаю... Второй вариант: в 2000 году к власти пришел Путин. В это время Россия реально могла распасться. Но она консолидировалась. То есть будущее планируется, конструируется, причем часто усилиями одного человека.

Хочу обратиться к молодежи: сейчас нередко можно услышать, что жизнь должна быть комфортной. Бойтесь людей, которые обещают создать для вас комфортные условия, гоните их. Жизнь не может быть комфортной. Жизнь — это борьба, всегда возникают трудности, которые нужно преодолевать, тогда жизнь становится интересной. Тот, кто хочет вас поработить, и создает вам комфорт на несколько дней или месяцев, а потом заставит пресмыкаться.

Г. М. РЕЗНИК: — Будьте бедными, но счастливыми!

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Действительно, бедные часто счастливее богатых.

— *Виталий Товиевич Третьяков начал свое выступление с высказывания «Хочешь мира — готовься к войне». Приведу следующий факт: Нобелевская премия мира за 2017 года присуждена Международной кампании за запрещение ядерного оружия (ICAN). Эта организация (в которую входят примерно 100 стран) ны-*

талась подписать договор о запрещении ядерного оружия. Как Вы к этому относитесь? (вопрос из зала)

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — По-моему, смешно обсуждать решения Нобелевского комитета. Лауреатов Нобелевской премии по экономике настолько много, что жители всех стран должны ходить в золоте, есть ананасы с утра до вечера и запивать их шампанским. Где этот процветающий мир? Нужно серьезно относиться к истории, которая уже произошла, а будущее — это продолжение, а не изменение истории. Продолжение истории заключается в том, что люди воевали, воюют и будут воевать.

— *Александр Сергеевич, не упрощаем ли мы проблему, считая Запад гомогенной системой? Возможно, что-то не нужно было заимствовать, а что-то надо было перенять? Может быть, то, что мы сейчас пытаемся взять у Запада, ранее они заимствовали у нас?* (вопрос из зала)

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Несколько лет назад на Лихачевских чтениях выступал китайский академик Цзин Цзе Ли, возглавлявший институт, который изучает, как не повторить ошибок Советского Союза. В частности, он сказал: «России надо избавляться от ошибок левого толка, допущенных во времена СССР, а также правоуклонистских ошибок, сделанных в 1990-е годы». Его доклад имел красноречивое название «Заимствование западной культуры: нельзя допускать отклонений как “влево”, так и “вправо”».

Советский Союз отрицал все положительное, что существовало на Западе, у нас был незрелый социализм, поэтому можно было многое заимствовать из западного опыта. Сегодня в современной России наблюдается уклон вправо: все, что ни делается на Западе, хорошо, поэтому это нужно копировать. По моему мнению, надо перенимать избирательно.

Цзин Цзе Ли привел замечательный пример, подтверждающий, что нельзя заимствовать механически. Дело в том, что в Китае мандарины, плоды которых сладкие, обычно растут к югу от реки Хуанхэ, но если сажать их к северу от реки, то плоды будут иметь резкий запах и непригодны для еды. Причина в том, что на разных берегах реки — разные условия.

Опыт капитализма нужно перенимать со знанием дела, о чем и сказал Генри Маркович. Сейчас Россия должна перенимать опыт китайского социализма, совмещенного с капитализмом, потому что нам есть что позаимствовать. Пока мы метались из одной крайности в другую — из ультралевой позиции в ультраправую, Китай начиная с 1970-х годов постепенно внедрял у себя опыт капитализма. Что-то не получалось, но они шли дальше. Сегодня китайцы могут прокормить свою страну и уже конкурируют с США. ВВП Китая составляет более 20 %, а ВВП России — 2 %. Тридцать лет назад все было наоборот: ВВП стран социалистического лагеря — 22 %, а ВВП Китая — 2 %. Вот к чему мы пришли.

В. Л. МАКАРОВ, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор: — Аскар Акаевич, что бы Вы сделали, если бы стали президентом России?

А. А. АКАЕВ: — После Второй мировой войны 25 лет весь мир процветал благодаря трем факторам: Ялтинскому миру, сильным профсоюзам и социалистическому лагерю. Сегодня нет социализма, Ялтинского мира (надеюсь, возможен Ялтинский мир-2). Россия сохранила сильные профсоюзы с активным лидером. Мы дискутируем в Университете профсоюзов, лучшем гуманитарном университете и мозговом центре России.

Если бы я был президентом, то в первую очередь поддержал бы профсоюзы, в частности укрепил бы Университет профсоюзов. В цифровую эпоху будет усиливаться социальное неравенство. Российские профсоюзы стоят на страже интересов трудящихся. Запад потерял этот институт. Сильные профсоюзы — ответ России на современные вызовы. Я с этой трибуны призываю всех вступить в профсоюзы.

М. В. ШМАКОВ: — Аскар Акаевич, спасибо. Логотип Федерации независимых профсоюзов России венчают три слова: «Единство. Солидарность. Справедливость». Сегодня профсоюзы всего мира (я позавчера приехал со Съезда профсоюзов Германии) считают своей главной задачей на ближайшие четыре года укрепление солидарности в обществе.

Г. М. РЕЗНИК: — Позвольте ответить на вопрос академика Макарова. Если бы я стал президентом, то, во-первых, я не реагировал бы эмоционально на некоторые раздражители из-за рубежа, в том числе из бывших советских республик, не пугал бы заявлениями о восстановлении «русского мира», сакральных ценностях тысячелетней давности, на которые мы должны опираться. Во-вторых, не делал бы непродуманных заявлений на международной арене. Кроме того, указал бы место, которое должны занимать спецслужбы в обществе, потому что сейчас их полномочия слишком расширены, фактически они управляют страной, контролируя все. В-третьих, я сконцентрировался бы на решении вопроса, на котором успешно сделал акцент президент, — борьбе с бедностью. Бедные работники не могут обеспечить экономический прогресс страны.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — На мой взгляд, все сказано правильно. Это своеобразные пожелания американскому президенту: не пугать другие страны, не давать спецслужбам руководить страной и бороться с бедностью.

Г. М. РЕЗНИК: — Американскому президенту бесполезно что-либо советовать.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Дорогие друзья, я благодарю участников дискуссии и аудиторию.